

6. Караткевіч, У. Збор твораў: У 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск: Маст. літ., 1991.– Т.8. У 2 кн. Кн. 2: З жыццяпісу, нарысы, эсэ, публіцыстыка, постаці, крытычныя творы, інтэрв'ю, летапіс жыцця і творчасці. – 495 с.

УДК 1(091) + 303.442.43

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ИДЕОЛОГИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Бурсевич В.В.

УО «Белорусский государственный университет»

г. Минск, Республика Беларусь

В статье рассматриваются идеи представителей семиотического подхода к пониманию человека и культуры. Автор делает попытку реконструировать теоретические установки, сформулированные классиками семиотического подхода, которые лежат в основе современных концепций, рассматривающих идеологию как знаковый феномен.

The article examines the ideas of the representatives of semiotic approach to human and culture. The author tries to reconstruct the main theoretical backgrounds stated by the classical authors of semiotic approach that underlie contemporary conceptions of ideology as sign phenomenon.

В философской мысли сформулировано множество подходов к пониманию феномена идеологии, однако во всем этом многообразии особое место занимают те направления исследования идеологии, которые поднимают вопрос о ее взаимосвязи с языком, т.е. затрагивают проблему семиотической (знаковой) природы идеологии. С этой точки зрения оправданным было бы, с одной стороны, рассмотреть исторические истоки и предпосылки подобной постановки вопроса об идеологии. А с другой – выявить теоретические основания, которые, в принципе, позволяют связать феномены идеологии и языка в некую единую цепь явлений и которые фундируют современные семиотические концепции идеологии.

Идеи о связанности языка и идеологии, рассматриваемой как коллективно разделяемые идеи, национальная культура или так называемый «народный дух», появляются уже в Новое время. В этом отношении работу И.Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества» можно воспринимать не просто как масштабное исследование национального духа, но и в каком-то смысле как попытку построения национальной идеологии, в рамках которой огромное значение придается феномену языка.

Еще более детально разработанную концепцию роли языка как определяющего фактора национальной культуры предлагает В. фон Гумбольдт. Главной особенностью лингвистического учения В. фон

Гумбольдта, оформившегося в дальнейшем в целое направление лингвистических и философских исследований, является деятельностный подход к языку. Язык, по мнению В. фон Гумбольдта, нельзя рассматривать как «мертвый продукт, но как созидующий процесс» [2, с. 64], являющийся как порождением духовных сил, так и стимулятором последних. Однако язык народа не замкнутая, но открытая система, позволяющая осуществлять культурный обмен с другими языками. Представитель народа может расширить свое мировидение лишь войдя в круг языка другого народа, т.е. в другую картину мира. Говоря о разнообразии «языковых мировидений», В. фон Гумбольдт не видит оснований для релятивизации мира, так как субъективность индивида снимается субъективностью народа, а субъективностью народа – субъективностью человечества.

К мыслям, сходным с идеями В. фон Гумбольдта, приходят и американские исследователи, Э. Сепир и Б.Л. Уорф, изучая культуры индейских племен американского континента. Э.Сепир утверждает неразрывную связь языка и культуры. Само развитие культуры, по его мнению, возможно лишь с появлением языка – инструмента выражения значения. «Язык и культура находятся в состоянии прямой взаимосвязи и взаимодействия», – отмечает Э. Сепир [5, с. 23]. Б.Л. Уорф выражает эту взаимозависимость в известном принципе «лингвистической относительности», который формулируется им следующим образом: «Сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем» [6, с. 210].

В рамках философской традиции сходные идеи о взаимосвязи языка и мышления также получили достаточное распространение. Ф. Ницше, предвосхищая открытие концепции «лингвистической относительности», писал: «Именно там, где наличествует родство языков, благодаря общей философии грамматики (т.е. благодаря бессознательной власти и руководству одинаковых грамматических функций), все неизбежно и заранее подготовлено для однородного развития и последовательности философских систем» [4, с. 578]. Мыслитель высказывает идею о том, что язык с его системой классификаций способен задавать определенную картину реальности, а также особенности ее восприятия в конкретном сообществе. Как вывод, язык всегда оказывается причастен к власти, не потому, что особенности языковой системы создаются и задаются некой группой на вершине социальной иерархии, но поскольку язык сам оказывается властной структурой, предписывающей и нормирующей.

Идеи подобного лингвистического кантианства в XX веке развивает Э. Кассирер. В своей «философии символических форм», опираясь на понятие «символической функции», под которой он понимает изначальную продуктивную деятельность сознания по спонтанной организации чувственных восприятий, Э. Кассирер задает новое понимание человека. У человека, в отличие от животного, чей функциональный круг состоит из рецепторов и эффекторов, есть еще одно, третье промежуточное звено, которое можно назвать символической системой. «Человек уже не противостоит реальности, он не сталкивается с ней» [3, с. 471], живет не столько в физическом, но в символическом измерении, в мире поэзии, языка, мифа, религии. Человека, по мнению Э. Кассирера, стоит пытаться понять именно через призму отличительно-человеческой способности к символическому оформлению мира. «Animal symbolicum» – новое определение человека, позволяющее наиболее адекватно отразить человеческую сущность. Э. Кассирер предлагает решение фундаментального для лингвистически ориентированных концепций вопроса о том: возможно ли восприятие мира вне упорядочивающих знаковых форм? Есть только одна действительность, она символична, поэтому философия действительности есть «философия символических форм». Мир не опосредованный семиотически – задача бесконечно далекая для дальнейших актов логического определения в мире культуры. Символ оказывается единственным средством оформления представлений о мире.

Формально проблема взаимосвязи идеологии и языка не поднимается рассмотренными исследователями за отсутствием разработанного понятия об идеологии. Однако лингвистические концепции, основывающиеся на идеалистическом представлении о языке, как эманации человеческого духа, формируют первое методологическое направление в понимании связи идеологии и языка. С одной стороны, понимая под идеологией совокупность представлений определенной социальной группы (в первую очередь, нации), а с другой – ставя акцент на классифицирующую и социальную функции языка, осознавая его властную и воздействующую силу, исследователи приходят к формированию представления о локальных языковых системах как носителях определенного мировоззрения или идеологии. Язык осмысливается не просто как пассивное средство трансляции, но как сущностно идеологический феномен, обладающий социальной природой и детерминирующий специфику мировосприятия, миропонимания и мироощущения человека, а также процесс его социализации.

В XX веке приобретает все больше сторонников идея о том, что язык является не просто «зеркалом» культуры, но обладает определенным рода конститутивным влиянием на формирование культуры и социума; что между языком и культурой существует тесное взаимодействие, результаты которого следует измерять не только по линии воздействия культуры на язык, но и в связи с тем, как языковая энергия воздействует на культуру. Лингвистические проблемы постепенно занимают лидирующее положение в философских исследованиях и к 30-м годам формируется так называемый «лингвистический поворот».

В социальной мысли проблемы символической природы социального всегда занимали ведущее место. Так, уже М. Вебер отмечал, что спецификой социального действия является его осмысленность и направленность на другого, т.е. социум возникает как взаимодействие, опосредованное общими знаковыми системами. В работах А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана ведущим стал вопрос о структуре социального мира как универсума, конструируемого в сфере intersubjectivity. На основе иной методологии сходные проблемы пытается решить теория фреймов И. Гофмана, утверждающего, что взаимодействие людей происходит не в едином социальном пространстве, но во фреймах, т.е. локальных социальных мирах, имеющих уникальную структуру и границы. В рамках коммуникативистики Н. Луман проводит идею о самореферентном статусе общества и его подсистем, проявляющихся в стремлении социальных групп к самоописанию. Эти и другие социальные теории имеют решающее значение для построения семиотического представления об идеологии.

Однако для упомянутых исследователей проблема семиотического статуса социальной реальности является лишь изначальной установкой, и детально они исследуют иные феномены, нежели идеология. И только американским антропологом К. Гирцем вопрос о семиотических основаниях идеологии ставится впервые эксплицитно, хотя и достаточно абстрактно, как один из аспектов семиотической модели культуры как таковой. Продолжая линию Ф. Ницше и А. Гелена о человеке как «неставшем животном», К. Гирц считает, что человек, лишившись детерминирующих восприятие инстинктов, восполняет их символическими схемами. Эти схемы необходимы, поскольку отсутствие физиологических шаблонов дает бесконечную вариативность поведению: такая неограниченная свобода оказывается угрозой выживанию человека и замещается культурно аккумулируемыми схемами поведения. Культурные модели –

религиозные, философские, эстетические – оказываются символическими программами, которые «снабжают нас шаблонами или чертежами для организации социальных и психических процессов» [1, с. 247]. Идеологии, считает К. Гирц, также оказываются одним из видов символизации, а их производство возрастает тогда, когда четко установленные в обществе правила поведения и мышления теряют свой авторитет, т.е. в периоды социальных кризисов и изменений социальной структуры.

Можно выделить следующие теоретические установки, сформулированные в традиции семиотического понимания культуры, позволяющие сегодня ставить вопрос о взаимодействии идеологии и языка:

- человеческое восприятие мира не непосредственно, но имеет промежуточное звено в виде символических моделей и схем;
- социальные взаимодействия опосредованы конкретными способами производства символов, социальные группы формируются на основе единства символического универсума;
- идеология может пониматься как один из способов символизации и надления значением, разделяемый социальной группой.

Таким образом, идеология по своей природе оказывается знаковым феноменом, а вопрос о связи идеологии и языка вполне обоснован и требует тщательного рассмотрения. Это исследование и предлагается сегодня различными подходами с использованием разнообразной методологии, начиная от классической семиотики, до дискурс-анализа, социолингвистики, дискурсивной психологии, которые, тем не менее, обязаны своим появлением предшествующей традиции, которая до сих пор не утрачивает значения и сохраняет неизмеримый эвристический потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц. – М., 2004. – 560 с.
2. Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. О. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М., 1991. – С. 37–301.
3. Кассирер, Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры / Э. Кассирер // Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. – С. 440–723.
4. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // По ту сторону добра и зла: Сочинения. – М.; Харьков, 2006. – С. 557–749.
5. Сепир, Э. Язык и среда / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культуре. – М., 1993. – С. 12–24.
6. Уорф, Б.Л. Наука и языкознание / Б.Л. Уорф // Языки как образ мира. – СПб., 2003. – С. 202–220.